

«АКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ

Е.Л. Конявская

ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ СОФЬИ ВИТОВТОВНЫ: УТРАТЫ ТЕКСТА И ДАТИРОВКА*

Завещание великой княгини Софьи Витовтовны дошло до нас со значительными утратами текста. В статье рассматривается возможность восполнения таких утрат. Предложены конъектуры при прочтении документа. Дана новая датировка акта.

Ключевые слова: древнерусские акты; Софья Витовтовна; завещание; утраты текста; датировка.

E.L. Konyavskaya

The testament of great princess Sofya Vitovtovna: losses of the text and dating

The testament of great princess Sofya Vitovtovna was preserved with significant losses of the text. The article considers the possibility of replenishing such losses. Conjectures are offered when reading the document. A new dating of the act is given.

Keywords: Old Russian acts; Sofya Vitovtovna; testament; text losses; dating.

Завещание Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия Дмитриевича, дошло до нас в подлиннике (РГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище). Отд. I. Рубр. I. № 20), но текст его сохранился не полностью.

Завещание написано на бумажном листе размером 524 × 283 мм. Значительные утраты имеются по обоим краям листа, лист наклеен на плотную бумагу XVIII в., поэтому можно определить лишь размеры вержеров: 4 на 10 мм.

Грамота написана коричневыми чернилами мелким полууставом, переходящим в скоропись середины XV в. Текст занимает 72 строки.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI — первая треть XVI в.)».

На лицевой стороне грамоты были привешены две печати: желтовосковая (95 мм от левого края) — Софьи Витовтовны (на красном шелковом шнуре с изображением человеческой фигуры, держащей в руках другую фигуру¹) и черновосковая (135 мм от левого края) — митрополита Ионы (на коричневом шелковом шнуре с изображением Богоматери с Христом-младенцем). Последняя в настоящее время хранится отдельно. Обе печати с повреждениями.

Утраты текста завещания (более всего пострадал текст начала первых 9 строк грамоты)² с уверенностью можно восстановить лишь в нескольких случаях.

Первая утрата восстановлена в издании ДДГ:

[Во има Свѣтыа и Живоначалныа Троици, Ѡ]ца и с(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха³

Текст в квадратных скобках восстановлен уже в писарской копии, что было без каких-либо пометок перенесено в издание текста в СГГД⁴. Оттуда конъектура была почерпнута в издание Л.В. Черепнина, но здесь публикаторы уже отметили реконструкцию. Конъектура корректна с учетом аналогий: именно так начинаются духовная грамота и приписная к ней сына Софьи — Василия Темного. В пределах 10 лет эта традиция закономерно должна была удерживаться в великокняжеской канцелярии. Позже такая формула invocacion встречается в завещаниях сыновей Василия — Андрея и Бориса и др.⁵ Восстанавливаемые слова соответствуют длине утраченной части строки (80 мм) и примерному количеству букв в строке (примерно 30 букв), но поскольку такой текст встречается в завещании далее, нужно давать его реконструкцию в такой же форме (с использованием сокращений под титлами и выносных букв):

[Во има С(ва)тыа и Живоначалныа Тро(и)ци, Ѡ]ца и с(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха

Та же ситуация с восстановлением следующей утраты:

се ѡз, грѣш[наа и худаа раба Божіа Софѣа, пишу сию д(у)х(о)вную грамоту

Предлагается опустить союз «и» между «грешная» и «худая», поскольку это будет больше соответствовать формуляру:

се ѡз, грѣш[наа худаа раба Божіа Софѣа, пишу сию д(у)х(о)вную грамоту

Дальнейшие утраты представляют собой проблему и могут быть предложены лишь те или иные гипотезы, которые далеко не всегда можно оформить как конъектуры. Такова, в частности, ситуация в следующей статье:

А при[[казываю]... [моє]му с(ы)ну, великому кн(а)зю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(ю).
А г(о)с(поди)нь мои, с(ы)нь мои, великіи кн(а)зь Василии Василіевич, печа[[луеть...]]⁶

Первая утрата — начала 3-й строки («А при|... му с(ы)ну») составляет 75 мм (примерно 28—29 букв в строке). Вторая — начала 4-й строки — 106 мм (примерно 42 буквы в строке).

Аналогии духовных грамот князей и княгинь показывают, что в большинстве случаев речь здесь должна идти не о материальных феноменах. Как правило, князья «приказывали» своих детей своим княгиням, реже — старшему сыну. «Женских» завещаний сохранилось мало, и их аналогии тоже не дают нужной подсказки. Елена Ольгердовна, вдова Владимира Андреевича Серпуховского, в своей духовной (1433 г.) «приказывает» великому князю Василию Васильевичу и Софье Витовтовне печалование о ее снохах. К моменту составления духовной грамоты умерли и ее супруг, и все ее сыновья. Еще одно завещание — Юлиании, вдовы Бориса Васильевича Волоцкого (1503 г.), — подобных распоряжений вообще не содержит.

Могла ли Софья отдавать здесь распоряжение относительно попечения о внуках? Ее сын, их отец имел такую заботу как перво-степенную обязанность. Сноха ее — великая княгиня Мария была женой здравствующего сына Софьи. Остается еще упоминаемая в завещании княгиня Евфросиния, по-видимому, вдова брата Василия Дмитриевича — Петра Дмитриевича. Тем не менее, было бы некоторой натяжкой считать, что первые строки духовной грамоты были посвящены только этой персоне. Возможно, были живы (но пребывали в монастырях) и другие родственницы вдовствующей княгини, о которых после преставления великой княгини должно печаловаться ее сыну. Могли в этой статье быть упомянуты и бояре.

Значительная утрата скрывает информацию о сакральных предметах, которые завещает Василию его мать:

[А бл(аго)с(ло)вляю] своего с(ы)на, великого кн(а)за, даю ему ѿ с(ва)тости
щикъ съ мѣщи, а в нем кр(е)сть възь... [Ви]тѣвъ.

Потеря текста в начале 5-й строки составляет 102 мм (около 40 букв в строке).

Понятно, что в этой статье перечисляются предметы «от святости», многие из которых Софья получила от своего отца Витовта. Из летописей известно, что в 1398 г. она с детьми ездила к Витовту в Смоленск и вернулась от отца с щедрыми дарами, получив «многы иконы, обложенныя златом и серебром, еще же часть Святых страстеи Спасовых, иже давно принесены были в Смоленескъ от Царягорода»⁷. С этими святынями, привезенными из Смоленска, связывает плохо сохранившийся текст завещания И.А. Стерлигова, предлагая следующую конъектуру: «Даю ему отъ святости ящикъ съ мощми, а в немъ крестъ взъ... (далее в тексте утраты; вероятно, следует читать: “воздвизальный, чимъ мя благословиль отец мой”». — *И. С[терлигова]*) Витовтъ»⁸. Таким образом, с учетом формуляра и аналогий в тексте грамоты должно читаться:

[А бл(аго)с(ло)вляю] своего с(ы)на, великого кн(а)за, даю ему ꙗ с(ва)тости ꙗщикъ съ мощми, а в немъ кр(е)стъ взъ[двизальный, чимъ ма бл(аго)сл(о)виль ꙗ(е)ць мой великий кн(а)зь Ви]тѡвъ⁹.

Видимо, этот крест упоминает Василий Васильевич в своем завещании (основной текст): «кр(е)стъ золот, что ма бл(а)гословила моя мати, великая | кн(а)г(и)ни»¹⁰, — им он наделяет сына Юрия.

В отношении следующей утраты предположения могут быть гораздо менее определенными:

Да бл(аго)с(ло)вляю его, даю ему, чимъ ма бл(аго)с(ло)виль г(о)с(поди)нь мои, муж мои, ꙗ(е)ць его, вели[кии кн(а)зь Василеи Дмитриевич]... по своей д(у)х(о)вной грамотѣ, и тѣ волости и села моему с(ы)ну, великому кн(а)зю, ѡпри[[сно своего] при[купа], да ѡприс[но селца Се]мчиньского и Кжели, въ чем есмь волна, по господара своего жалован(ь)ю, великого | княз(а) Васил(ь)а Дмитриевич(а).

Утрата в начале 6-й строки — 102 мм (около 40 букв в строке).

Такого рода статья, казалось бы, вообще не нуждается в конретизации: всё, что завещал ей муж, — завещается сыну. Эта норма предполагает владение вдовой княгиней завещанными территориями «до живота», а потом последние переходят к сыну/сыновьям. Исключением могут быть прикупы княгини и владения, которые особо оговорены в завещании супруга, — в них она «вольна». Здесь речь о таких исключениях идет, и именно они позволяют гипотетически ограничить владения, о которых го-

ворилось в утраченном тексте. Это должны быть московские и коломенские территории, поскольку именно таковыми являются «опричные» селцо Семчинское и Гжеля (первое относилось к московским территориям, второе — к коломенским). Из числа московских и коломенских можно выделить те, что не упоминаются в дальнейшем тексте духовной Софьи (то есть не были завещаны ею другим лицам), но присутствуют в завещании Василия Дмитриевича (как завещанные княгине) и последующих духовных — Василия Васильевича и его сыновей (как переданные им по завещанию матери/бабки). Из московских владений Софье Витовтовне Василий Дмитриевич завещал:

А из сел из моск|ковскихх даю своеи княгинѣ: Митин починок со всѣм, что к нему пота|гло, да Семчинское село и з Самсоновѣм лугом и со всѣм, как было за моею ма|терью, да селце Федоровское Свиблово на Ауоуѣ и с мельницею, да Крилать|ское село, что было за Татаром¹¹.

О коломенских селах там сказано:

А княгинѣ своеи даю волости коломенские Пѣсочну да Брашеву | з Селцем, з Гвоздною и с Ыванем, да Оусть-Мерску, да Гжелю, и с путми, | з селы з своими, что в тѣх волостех ни есть.

С коломенскими волостями, правда, дело осложняется тем, что в дальнейшем они окажутся среди владений Ивана Васильевича, сказано, что их Василий Васильевич передает «из оудѣла с(ы)на своез(о) Иванова» «своеи кн(а)г(и)нѣ».

В любом случае титулование князя и подробное перечисление волостей и сел не могут уместиться на 102 мм, поэтому здесь целесообразно предполагать некоторое обобщенное указание, например:

Да бл(аго)с(ло)влѣю его, даю ему, чимъ ма бл(аго)с(ло)виль г(о)с(поди)нѣ мои, муж мои, ѡ(е)ць его, вели[[кии кн(а)зь Василии Дмитриевич из коломенских волостей и московских сел] по своей д(у)х(о)вной грамѡтѣ, и тѣ волости и села моему с(ы)ну, великому кн(а)зю, ѡпри[[сно своего] при[купа], да ѡприс[но селца Се]мчиньского и Кжели, въ чем есмь волна, по господара своего жалован(ь)ю, великого | княз(а) Васил(ь)а Дмитриевич(а).

Последующие утраты не столь велики, но восстановление их оканчивается не менее сложным:

А что есмь переже сего дала два свои села, Ёкуловское да Рѣпинское... | и тѣ оба села мои с(ы)ну же моему, великомѣ кн(а)зю Ва[силь]ю, в том воленъ оны, за собою ли их держит, кого ли ими самъ пожалѣет.

За пропуском в конце 9-й строки может скрываться небольшое слово, отчасти оно видно, но буквы плохо различимы. По всей вероятности, одна из них «о», видно, что одна буква — выносная, возможно, последняя буква утрачена вместе с частью края бумаги. Попытка реконструкции этой утраты была предпринята М.А. Несиним, который предлагает нечитаемые несколько букв расшифровать как «ему», то есть сыну Василию. Вместе с тем, исследователь отметил возникающее в таком случае противоречие: эти села фигурируют в приписной духовной грамоте Василия Васильевича как переданные Софьей Федору Басенку. Эти данные М.А. Несин предлагает проигнорировать, посчитав их некоей ошибкой: «Причину этого противоречия и Василий Темный, и Басенок, и писавший грамоту дьяк Василий Беда, по-видимому, навек унесли в могилу»¹².

Прежде чем прийти к такому заключению, исследователь делает замечание, хотя и не развивает его: «Эти два села, которые княгиня дает сыну не просто в распоряжение, а в личное владение, она прежде передавала кому-то другому...»¹³. Басенок в качестве «другого» им не рассматривается, поскольку его имя (равно как и прозвище) не может уместиться на столь малом пространстве. Но в утраченном слове целесообразно видеть именно это «кому»¹⁴:

А что есмь переже сего дала два свои села, Ёкуловское да Рѣпинское [кому], | и тѣ оба села мои с(ы)ну же моему, великомѣ кн(а)зю Ва[силь]ю, в том воленъ оны, за собою ли их держит, кого ли ими самъ пожалѣет.

Можно предложить реконструкцию небольшой утраты в 35-й строке, в начале которой нет фрагмента текста размером 21 мм (примерно 8—9 букв в строке) — в статье об остальных «святостях» (наиболее значимые сакральные предметы расписаны с подробностями и распределены ранее):

| [А что с]а останет которые с(ва)тости, описно того, кого есмь чимь бл(аго)с(ло)вила, ч(е)стные кр(е)сты и с(ва)тые иконы или мѡщи с(ва)т(ы)хъ |... въ болшемъ в дубовом и въ меншем ларчику, и въ ящичку въ болшем, и въ корѡбѣ, и въ всѣмъ тѣм бл(аго)с(ло)вила внѣка ж своего | ...

Второй пропуск в статье — в начале 36-й строки (42 мм — примерно 17 букв в строке). Следующая за этой статья будет посвящена

не распределенному ранее — казне и личным вещам, и они будут завещаться любимому внуку Юрию¹⁵. Это делает возможным потерю текста в 36-й строке трактовать как завещание указанного ему же. Что же касается пропуска в 35-й строке, то можно предположить, что здесь читалось «чюдотворец»:

| [А что с]А останет которые с(ва)тости, ѿприсно того, кого есмь чимь бл(аго)с(ло)вила, ч(е)стные кр(е)сты и с(ва)тые иконы или мѡщи с(ва)т(ы)хъ | [чюдотворец] въ болшемъ в дубовом и въ меншем ларчику, и въ ящичку въ болшем, и въ корѡбьи, и ѡз всѣмъ тѣм бл(аго)с(ло)вила внѣка ж своего | [кн(а)за Юриа].

Две утраты обнаруживаются в статье, где владения завещаются московскому Архангельскому собору и Вознесенскому монастырю. В последнем великая княгиня приняла пострижение и была погребена:

А на поминок д(у)ши своег(о) господара, мѡжа своего, великого кн(а)за, Васил(ь)я Дмитріевич(а), и своее свекрови, великіе | [кнагин]и Ѡвдот(ь)и, и по своеи д(у)ши, и по д(у)ши с(ы)на своего, княз(а) Ивана, даю великому архангилѣ Михаилѣ къ сбѡрной ц(е)ркви [... село свое Баню, а къ с(ва)т(о)мѣ В(о)знесен(ь)ю въ манастырь даю село свое Дореньское, да внѣтри города двор свои [...евьское мѣсто, что есмь взала оу Ивана оу Старкова.

В отношении кремлевского двора и имени «места» (это 55-я строка, утрачено 9 мм — 3—4 буквы в строке), предположения выдвигать затруднительно из-за недостатка информации. Там же, где речь идет о селе Баня (утрата 10 мм — 4—5 букв в строке), резонно ожидать пояснения — где оно находится, например: «в Горетовѣ село свое Баню»:

А на поминок д(у)ши своег(о) господара, мѡжа своего, великого кн(а)за, Васил(ь)я Дмитріевич(а), и своее свекрови, великіе | [кнагин]и Ѡвдот(ь)и, и по своеи д(у)ши, и по д(у)ши с(ы)на своего, княз(а) Ивана, даю великому архангилѣ Михаилѣ къ сбѡрной ц(е)ркви | [в Горетовѣ] село свое Баню, а къ с(ва)т(о)мѣ В(о)знесен(ь)ю въ манастырь даю село свое Дореньское, да внѣтри города двор свои [...евьское мѣсто, что есмь взала оу Ивана оу Старкова.

Наконец, пропуск в одно слово имеется в одной из последних статей (конец 67-й строки, 9 мм, 3—4 буквы в строке), регламентирующих взыскание долгов с серебряников:

[А кото]рѣи будеть издѣлныи серебреникъ изможенъ в животоѣ а не охѣдѣль, взможет заплатити и все серебро, и на том с(ы)нѣ мои, | [вели]кіи княз(ь), велит все издѣльное серебро взати, то ѡчинит с(ы)нѣ мои великіи княз(ь) и своез(о) ради сп(а)с(е)ніа, а и за мою д(у)шю по ѡбыску без...

В утраченном слове в качестве предпоследней смутно видна широкая буква — «м» или «д». Аналогий подобных выражений в актах не обнаруживается, но по смыслу и размеру слова целесообразно предположить, что это слово «обида»:

[А кото]рѣи будеть издѣлныи серебреникъ изможенъ в животоѣ а не охѣдѣль, взможет заплатити и все серебро, и на том с(ы)нѣ мои, | [вели]кіи княз(ь), велит все издѣльное серебро взати, то ѡчинит с(ы)нѣ мои великіи княз(ь) и своез(о) ради сп(а)с(е)ніа, а и за мою д(у)шю по ѡбыску без [ѡбиды].

Восстановив в основном утраченный текст грамоты, можно решать вопросы, связанные с ее характеристикой. Одним из таких вопросов является ее датировка.

Последний публикатор акта Л.В. Черепнин датировал завещание июнем — июлем 1451 г.¹⁶, аргументируя такую датировку тем, что в это время княгиня находилась в Москве, которую осаждал Мазовша. Великий князь Василий Васильевич оставил в Москве мать, внука Юрия и «множество боаръ и дѣтеи боарьскихъ»¹⁷. Посады горели, угроза возможной гибели в случае проникновения войск в город (а летописи сообщают, что враги пытались прорваться в кремль через ворота и «гдѣ нѣсть крѣпости каменныа»¹⁸) виделась вполне реальной. Такая обстановка должна была подвигнуть великую княгиню к составлению духовной, где Юрию Васильевичу предназначалась большая часть ее владений.

Логика датировки Л.В. Черепнина понятна, но данные, позволяющие датировать акт не предположительно, а точно, содержатся в нем самом. Грамота написана митрополичьим дьяком Ярлыком («А д(у)х(о)внѣю грамоту [пи]с[аль] митрополич дьяк Ирлык»), известным по целому ряду документов. Одни из них им составлялись либо заверялись, другие написаны от его имени (данные грамоты монастырям и его завещание)¹⁹. В конце текста грамоты после указания имени писца и перед подписью митрополита («Смѣрныи Іона, архіеп(и)с(ко)п кіе(вскій и) всеа Р[уси]») обнаруживается длинная горизонтальная монограмма, текст которой переводится с уйгурского языка, как: «В шестидесятое (лето) ноября второго»²⁰. Хотя монограмма, равно как и варианты ее перевода, была известна еще

с XIX в., при изучении завещания Софьи эти данные не были учтены²¹. Датировка согласно дате в монограмме — 2 ноября 1451 г.²² — не имеет непосредственных исторических подтверждений, но и не противоречит исторической обстановке и обстоятельствам жизни самой Софьи Витовтовны²³.

¹ См. последнюю работу об этой печати: *Пчелов Е.В.* Печать Софьи Витовтовны и изображение на ней // Международная нумизматическая конференция «Нумизматические коллекции: наследие исторической Литвы и связанных с ней стран — открытия для просвещения и науки». — Vilnius, 2012. — С. 142—143. Исследователь определил сюжет, взятый из античной геммы: похищение Бореем Орифии.

² Об утратах, которые имеются на сегодняшний день, говорится и в Архивной описи 1767 г.: «по обоим краям многих слов не достает». В созданной тогда же писарской копии они, как правило, отмечены. Вместе с тем, ни о ветхости документа, ни об утратах его текста не говорится в Описях Посольского приказа 1614 и 1626 гг.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 176 (№ 57). — Далее: ДДГ.

⁴ См.: *Собрание государственных грамот и договоров ...* — М., 1813. — Т. 1. — С. 191—194 (№ 83). Не оговаривая, публикаторы добавили и символическую инвокацию (крест).

⁵ См.: *Каптанов С.М.* Русская дипломатика. — М.: Высш. шк., 1988. — С. 183.

⁶ В квадратных скобках — части слова, восстановленные Л.В. Черепниным.

⁷ Полное собрание русских летописей. — М.; Л.: Наука, 1949. — Т. 25. — С. 226. — Далее: ПСРЛ.

⁸ *Стерлигова И.А.* Москва как ковчег. URL: http://www.ng.ru/specfile/2000-06-15/1_kovcheg.html (дата обращения: 02.06.2018).

⁹ Благодарю В.В. Игошева за консультацию.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 135. — Отд. I. — Рубр. II. — № 21.

¹¹ Там же. — Рубр. I. — № 15..

¹² *Несин М.А.* Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 124. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Nesin_04.pdf (дата обращения: 03.06.2018).

¹³ Там же.

¹⁴ В значении: «если кому и давала...».

¹⁵ Софья не перечисляет компоненты «казны» и «рухляди», видимо, считая безусловно приоритетными сакральные ценности. Но об одном предмете из этой части завещанного Юрию (что осталось от «казны или какие рухляди моее клѣтныя») можно узнать уже из его духовной: он оставляет сестре, великой рязанской княгине Анне «манисто, чѣм ма бл(аго)с(ло)вила баба моѧ великаа кн(а)г(и)ни Соф(ь)ѧ» (ДДГ. — С. 222 (№ 68)).

¹⁶ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. — Ч. 1. — С. 157—158.

¹⁷ ПСРЛ. — Т. 25. — С. 271.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ранее Ярлык называл себя дьяком великого князя (*Кауштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. — М.: Наука, 1970. — С. 362 (№ 10); Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — Т. 2. — С. 56 (№ 93). — Далее: АСЭИ). В последних актах он представлен как старец Симонова монастыря.

²⁰ См.: *Бобровников А.А.* О монгольских подписях на русских актах: (письмо к В.В. Вельяминову-Зернову) // Известия Императорского археологического Общества. — СПб., 1861. — Т. 3. — Стб. 19—29; *Морозов Д.А.* Уйгурские автографы московских дьяков: (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева: сб. ст. по истории и источниковедению / сост. Ю.М. Эскин. — М.: Древлехранилище, 2006. — С. 185—186. Уйгурские записи-монограммы встречаются и в других грамотах XV в., в том числе и в актах, которые составлялись при участии Ярлыка. Так, в договоре 1436 г. Василия II с Дмитрием Юрьевичем подобная монограмма завершает текст противня Василия Васильевича (см.: *Грязнов А.Л.* Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV века // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: материалы XXVI Междунар. науч. конф. — М.: РГГУ, 2014. — С. 153); уйгурским письмом подписался Ярлык и на духовной Есипа Дмитриевича Акинфова (АСЭИ. — М., 1964. — Т. 3. — С. 138 (№ 100)).

²¹ Характерно, что монограмма не была прочитана и гораздо менее далекими потомками составителей грамоты. В Описи Посольского приказа 1614 г. читается: «...а в котором году писана, и того не написано» (ДДГ. — С. 453). То же и в Описи 1626 г.

²² Нет сомнения, что в канцелярии, где составлялся акт, дьяки использовали сентябрьский стиль, поскольку в середине XV в. он уже не имеет альтернативы.

²³ События второй половины 1451 г. в летописях отсутствуют. Первое сообщение после победы над Мазовшей касается Рождества.